

стрѣлся съ Дантесомъ 27 янв. 1837 г., и т. д. Одно перечисленіе главныхъ отдѣловъ выставки можетъ показать всю важность и значеніе ея: 1) Пушкинъ; 2) его родные, друзья и противники, современныя ему писатели; 3) пушкинская эпоха; 4) изданія произведеній Пушкина на иностранныхъ языкахъ; 5) Пушкинъ и русское искусство послѣ него; 6) изданія, появившіяся по случаю 100-лѣтія со дня его смерти во Франціи, въ Совѣтской Россіи и въ другихъ странахъ.

Всѣ подробности объ этой замѣчательной выставкѣ, имѣвшей громадный, и вполнѣ заслуженный, успѣхъ, читатель можетъ найти въ отмѣчаемой нами книгѣ, которая издана С. М. Лифаремъ чрезвычайно изящно въ обложкѣ А. Бенуа и украшена прекрасными иллюстраціями. Это не просто путеводитель по выставкѣ, а интереснѣйшій матеріалъ для чтенія.

Н. Кульманъ.

Прот. Георгій Флоровскій. Пути русскаго богословія. Парижъ, 1937.

На этой значительной книгѣ, гдѣ впервые поставлена и разработана тема русскаго религіознаго сознанія, необходимо остановиться. Но ее надо принять и понять въ томъ планѣ, въ какомъ она задумана. Авторъ не скрываетъ своей позиціи. Съ самаго начала онъ зоветъ насъ вернуться къ истокамъ, встать на забытый узкій путь отеческаго богословія: не для реставраціи византизма какъ историческаго типа, а для творческаго синтеза патристическихъ ученій, для возрожденія омертвѣлой православной мысли. Въ глазахъ о. Флоровскаго Преданіе тотъ камень, который долженъ быть положенъ во главу угла. Истина не искомое, а данное и вмѣстѣ заданное русской Церкви, для полноты раскрытія традиціонныхъ догматовъ на основаніи соборнаго опыта. Вести и учить должна она. Вотъ почему авторъ всюду обличаетъ то, что онъ называетъ «романтизмомъ», т. е. всѣ виды «прелести», какъ разлагающей духъ игры воображенія. Ей противопоставляется исконное на Востокѣ «стрезвеніе». Борьба ведется не во имя ортодоксн съ человѣчностью, какъ это кажется Н. А. Бердяеву*), не съ повышенной чувствительностью и совѣстливостью, а съ ложной сентиментальностью, которая въ мечтаніи своемъ не хочетъ видѣть трагической виныиоміи челоѣка: падшей твари, призванной отражать образъ Божій, по коему она создана, но его не отрицающей въ порядкѣ естества. Отсюда отверженіе «романтиками» аскезы, неприятие очистительнаго искуса, долженствующаго предшествовать дѣйствию и безъ котораго невозможно даже срѣтеніе правды соціальной. Последняя мысль, въ книгѣ не высказанная, въ ней подразумевается всегда. Лишь собранность воли и «кунаго сердца» можетъ строить цѣлостную христіанскую культуру: точно такъ же, прибавимъ, какъ она одна могла выковать цѣльную личность подвижника. Ибо святость въ хаосѣ непросвѣтленныхъ эмоцій неосуществима.

*) См. Путь, № 53, 1937.

Голосъ о. Флоровскаго — давно неслышанный нами голосъ церковнаго, и притомъ вселенски-національно-православнаго сознанія. Авторъ, одновременно священникъ-богословъ и специалистъ историкъ, находитъ причину неудачъ и проваловъ нашего прошлаго въ томъ, что «вспоминающій родства» народъ порвалъ преемственную связь съ духовной родиной. Порвалъ ее изначально не ради самостоятельнаго творчества, а отъ «соблазна бытомъ», отъ органическаго индифферантсма къ умозрѣнью вообще.

Въ XVI-омъ вѣкѣ, когда создалось царство, съ рожденія своего прозившее церковной свободѣ, уже торжествуетъ уже бытовое начало (Домострой) и «въ Московскій охранительный синтезъ не входитъ лучшее изъ византийскихъ преданій — созерцательная мистика и аскетика». Очень остро и ново то, что о. Флоровскій говоритъ о юсифляцкхъ, отнесенныхъ имъ къ тому же прагматическому типу религіозности. — Монашество для нихъ житейское служеніе народу, культурный тупикъ. Заволжское движеніе, напротивъ того, «несравненная школа духовнаго блѣнія». Нервъ его именно уходъ изъ міра «къ правдѣ умнаго дѣланія» и нестяжаніе есть отказъ отъ прямого религіозно-соціального дѣйствія. Расколъ только характеризуется какъ «апокалиптическая утопія, первый припадокъ русской безпочвенности, отрывъ отъ соборности» — въ ожиданіи разрыва въ самомъ церковномъ сознаніи: между прививаемой подъ «латинскимъ» влияніемъ ученостью и подлиннымъ духовнымъ опытомъ. И развитіе подражательской схоластической школы странно сочетается съ растущей подозрительностью къ монашеству, какъ несоответствующему ни идеаламъ морализующаго піетизма, ни тѣмъ, паче утилитарной тенденціи секуляризованнаго Петербургскаго государства.

Въ итогъ Просвѣтительнаго XVIII-го вѣка, вѣка Петровой реформы и «вавилонскаго плѣненія» русской церкви, — богословіе на *сваяхъ*, по мѣткому выраженію автора. Сперва, подъ жесткимъ давленіемъ Феофана Прокоповича, разложене православія антропологическимъ пессимизмомъ лютеранства; затѣмъ сладкая отравка «единой религіи сердца», масонство, которое обольщаетъ не одно свѣтское общество уже съ дней Екатерины. Въ народной массѣ, неудовлетворенной обрядовымъ благочестіемъ, этому своеобразному гностицизму «съ тиглой къ разволноченію» отвѣчаетъ возникновеніе основаныхъ русскихъ сектъ. «Въ Александровскую эпоху оба потока, верхній и низовой, многообразно скрещиваются». И тамъ, и тутъ, побѣда душевнаго, порою стихійно-плотскаго, надъ духовнымъ, то эстетическій, то экстаическій безблагодатный мистицизмъ. На этомъ смутномъ фонѣ мерцаетъ семинарское богословствованіе «по Макарію», лишенное корней и жизни...

Несправедливо на нашъ взглядъ приписывать автору сверхславнофильское презрѣніе къ Западу, встрѣчу съ которымъ онъ на самомъ дѣлѣ считаетъ «неизбѣжнымъ этапомъ», предостерегая не укрываться въ запретахъ отъ идейныхъ опасностей. Прямое осужденіе охранительной политики «сферъ» — начиная съ борьбы противъ русской Библии -- завершеной Побѣдоносцевымъ. Не противъ

западной — вѣрѣ западныхъ — культуръ, какъ таковыхъ, возста-
еть о. Флоровскій. Онъ сѣтуетъ объ утратѣ нами своего умственно-
го лица, о подмѣнѣ его масками, въ искушеніи чужимъ и забвеніи не-
опѣвннаго родного. Съ этимъ спорить трудно. Рисуемая авторомъ
картина новаго времени также довольно безотраднa, несмотря на
счастливые послѣвы скудной русской нивы: на «сердечное богословіе»
Филарета и его послѣдователей, на успѣхи исторической школы, на
крѣпящую идею соборности (Хомяковъ). Всѣ эти предзнаменования
грядущаго истинно-русскаго христіанства такъ и не сбылись. Пробле-
матика дореволюціоннаго религіозно - философскаго ренессанса съ
его профетическимъ пафосомъ внушаетъ о. Флоровскому мало довѣ-
рія. Остріе его критики направлено противъ блужданія умовъ и сер-
децъ по околнымъ весямъ: Федоровъ, Мережковскій, Розановъ, Со-
ловьевская эротика. Самый фактъ пробужденія метафизическаго инте-
реса къ христіанству въ церковномъ его аспектѣ, конечно, привѣтству-
ется.

Мы не станемъ упрекать о. Флоровскаго за то, что въ его рели-
гіозной концепціи — отнюдь не статической — интеллектуальный эле-
ментъ преобладаетъ надъ эмоциональнымъ. — Учительствующая Цер-
ковь прежде всего хранительница неприкосновеннаго Символа Вѣры
— depositum fidei. Скажемъ о другомъ. Хотя авторъ чтитъ экспери-
ментальную духовность по святоотеческому образу — Ниль Сорскій,
Панскій Величковскій, Серафимъ Саровскій, — но его лично притяги-
ваетъ положительное богословіе болѣе, чѣмъ апофатическое, отъ этой
мистики однако неотъемлемое. Здѣсь онъ ближе къ «раціональному»
католическому Западу, къ томизму, чѣмъ къ завѣтамъ восточной тео-
гнѳозіи, особенно позднѣйшей Византіи (пневматика Симеона Новаго
Богослова, Никиты Стифата, исихастовъ), ибо чувство непостижимой
тайны — онтологическій центръ всего православія. Еще нельзя не за-
мѣтить, что о. Флоровскій, увлеченный историзмомъ, какъ бы сужива-
етъ перспективы христіанской реальности, которыя, находясь полъ
знакомъ эсхатологіи, тѣлкомъ въ исторію не вмѣщаются. Не говоря
о томъ, что величайшія достиженія духа, подвигъ молитвенный, видѣ-
ніе — видѣніе — неисторичны, ибо внѣ времени. Этого само собою
о. Флоровскій не забываетъ; только при его устремленности къ тво-
римой дѣйствительности (исторія какъ «отвѣтъ человѣка Богу») онъ
дѣлаетъ выборъ, для насъ показательный, въ накопленномъ богатѣй-
шемъ матерьялѣ. И тутъ не все договорено: недаромъ, многочліе у
него любимый знакъ препинанія!

Во всякомъ случаѣ безпристрастный читатель долженъ быть бла-
годаренъ протоіерею Г. Флоровскому за трудъ обильной жатвы; за
то совершенно заново продуманное, первостепенно-важное для позна-
нія нашего длительнаго кризиса, что дадутъ въ тонку и сильно написан-
ныхъ очеркахъ Пути русскаго Богословія.

М. Лоть-Бородинa.